

Соперничество Первопрестольной и Северной Пальмиры, разговоры о переносе столицы, о питерской команде на властном Олимпе сегодня в центре внимания.
«У нас всегда существовали два пути развития, две школы - питерская и московская», - считает известный деятель отечественной культуры, президент телекомпании «ТВ Центр» **Олег ПОПЦОВ**. Сегодня Олег Максимович - наш собеседник.

- Олег Максимович! Тема «Москва - Петербург» сегодня как никогда актуальна. Вам, коренному питерцу, давно живущему в Москве, как говорится, и карты в руки...

- Да. Это тема интересная. Безусловно, здесь найдется много исторической ревности. Сначала - со стороны Москвы, когда во времена Петра Первого Питер стал столицей России, после Октябрьской революции - со стороны Питера. Когда столица переносится в другой город, у ее жителей, естественно, программируется состояние исторической ревности. Петр хотел, чтобы столица находилась ближе к Западу. Ленина же именно это и не устраивало. А Сталин, тот вообще подорвал всех и вся, что выходило за стандарт колониальных. Наместников щадил, Жданова например. А всякую претензию на собственное кресло попросту казнил.

Вспомним хотя бы «Ленинградское дело». Сначала Сталин ревновал к Кирову по причине его растущей популярности в партии, затем к Ленину, как возможному центру политической жизни. А сталинская ревность (холопов он тоже презирал и уничтожал, а над талантливыми людьми еще и изувечивал) - это, знаете ли, состояние неизбывного ужаса. Но, главное, чего никогда не забывал Сталин, - это то, что революция 1917 года произошла не где-нибудь, а в Питере. Значит, гены восстания могли возродиться вновь. К слову, о нашумевшем «Ленинградском деле», устроенном много лет спустя после убийства Кирова, я знаю далеко не понаслышке...

- Оно затронуло и вас?

- Это коснулось моей матери, работавшей тогда в Ленинградском обкоме. Но более всего мне запомнилось так называемое «дело врачей», имевшее ярко выраженный антисемитский характер. Так вот, когда все это началось, у нас в прямом смысле искала укрытия подруга моей матери Римма Рубина, полковник медицинской службы. Моя мать ей так и сказала: «Поживи пока у нас, но так, чтобы об этом никто не знал».

- Но ведь учитывая то, что стукачей и доносите-лей у нас всегда хватало...

- Да, это было, конечно, довольно рискованно. Она у нас провела несколько ночей. Но тут, как известно, умер Сталин, и все как-то закончилось само собой.

- А как к вам, ленинградцам, относился новый вождь - Хрущев?

- Вы знаете, Хрущев сразу же после своего избрания на высший пост приехал в Ленинград. Но он слишком неудачно выступил перед рабочими Кировского завода, его там буквально осаждали. То есть Питер Хрущев не принял.

- Последствия предугадать легко.

- Да, это немедленно сказало на кадровой чехарде. Больше Хрущев в Питер не приезжал. Даже когда он там очутился, сопровождая в поездке по

стране Иосифа Броз Тито, то все встречи с членами бюро обкома партии проводил исключительно в... своей машине, разъезжая с ними по городу.

- А как себя поставил в этом смысле «горячо любимый» Леонид Ильич?

- Что касается Брежнева, при нем начали выстраиваться более спокойные отношения между Москвой и Питером, хотя атмосфера «исторической ревности» выжвела и в то время. Но в силу того, что Питер очень долго был столицей великой Российской империи, в нем были изначально заложены мощные интеллектуальные корни. Ведь что ни говори, а в Питере сосредоточилась когда-то не худшая часть нашей науки, нашего искусства.

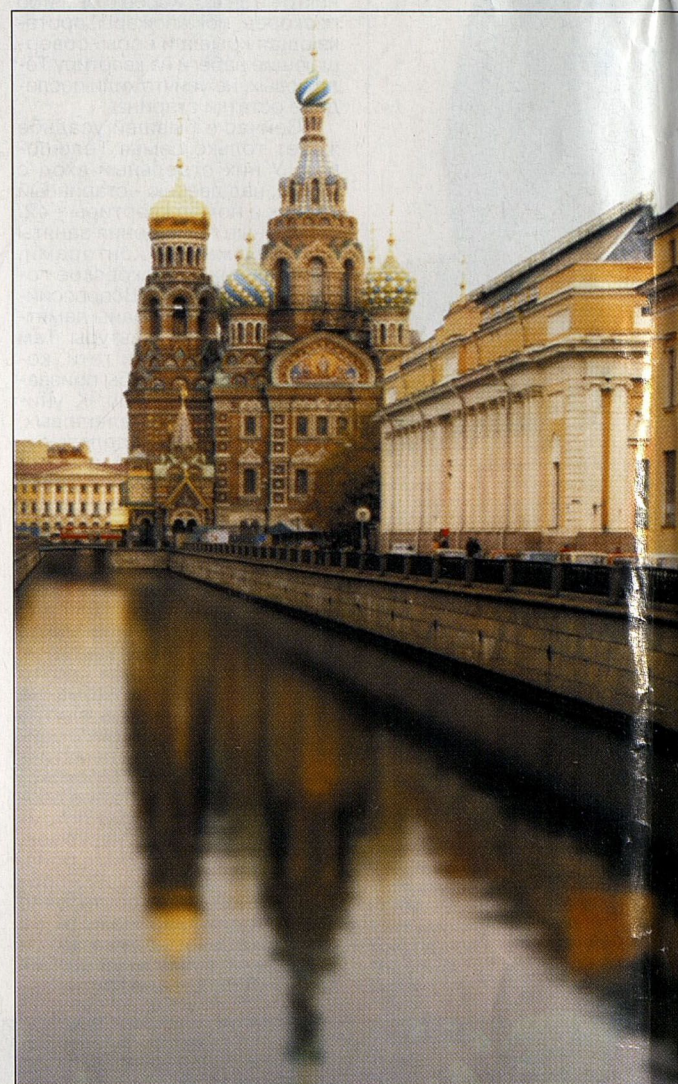
- К слову, телевидение тоже ведь впервые появилось в Ленинграде - как черно-белое, так и цветное.

- Вроде так. А если еще вспомнить, что самая первая в мире радиопрограмма также была отправлена профессором Поповым из стен Петербургского университета, то... Так вот, как бы там ни было, а Питер всегда был и остается до сих пор не просто городом, а интеллектуальным и культурным центром. Он никогда не вписывался в статус «рядового» областного города. Вот почему и в сталинские, и в начале хрущевских времен Москва и Ленинград были прописаны во всеобъемлющем бюджете отдельной строкой. Сначала шли союзные республики, затем Москва и Ленинград и лишь потом - другие области и города. То есть присутствовало понимание того, что Ленинград имеет некий неофициальный столичный статус. Хотя Хрущев это впоследствии упразднил. Он ведь хотел довести Ленинград до положения обычного областного центра.

- И как же, на ваш взгляд, ситуация складывается в настоящее время?

- Согласитесь, мое суждение нынче - это суждение со стороны, но мне кажется, увы, не очень хорошо. Дело

в том, что за последние годы, примерно до середины девяностых, усилиями Анатолия Собчака было немало сделано для повышения международного престижа Санкт-Петербурга. Собчак ведь был политиком, а не управленцем. Хозяйством города никто, по существу, не занимался. Питер нищал и ветшал. Сейчас в связи с 300-лети-

ем марафет наводятся, но получается, что чиновники стараются не ради Питера, а ради Путина. Тем более что все это делается, по сути, его усилиями. А чиновникам на Питер наплевать. Ужаса-

ющее состояние питерских дворов - это особая тема. Я как коренной петербуржец переживаю это крайне тяжело, ибо это отношение к городу, который слишком много дал нашей стране. Ведь у нас, повторяю, всегда существовали два пути развития, две школы - питерская и московская. Это было в медицине, градостроитель-

школы, питерский кинематограф.

- Но вы не случайно сказали - «соперничество»?

- Нет, конечно. Такого рода конкуренция, соперничество двух великих городов очень полезны для страны в целом! В свое время я, скажем, забрал на РТР прекрасную питерскую телепрограмму «Пятое колесо» во главе с Беллой Курковой. Думаю, это была в те времена, да и впоследствии лучшая публицистическая передача, что составляла для ленинградцев предмет особой гордости. Вообще любой контакт такого рода, обмен творческими, интеллектуальными ресурсами и достижениями представляет для Москвы и Питера колоссальную пользу.

- Тогда тем более символично, что нынешний президент России - уроженец Питера.

- Оставте. Это не более чем политическая случайность, как говорят в таких случаях, таким оказался расклад, никто ничего не вынашивал. Ельцин был из износ-се. Олигархи спешили. Пожелаем стране одно: пусть это будет счастливый случайность. У этой темы множество аспектов. Так, скажем, с одной стороны, я не сторонник местничества. Я вообще против всего искусственного. Имею в виду тот факт, что в составе нашего правительства может скоро не остаться ни одного выходца из Москвы... Но, с другой стороны, все то, что относится к так называемому питерскому десанту, - это, на мой взгляд, чисто вынужденная мера, исходящая из самой ситуации в России. Ведь президент Путин - фигура весьма непроста! Его ментальность имеет как бы два корня. Один из них - это его первая профессия, благодаря чему он осторожен как разведчик. И, как и свойственно разведчику, он мало кому склонен доверять. Ибо если разведчик кому-то доверился полностью, он, как правило, проваливается... С другой стороны, Путин получил хорошую «демократическую при-

ставку» в том же своем родном Питере в период его совместной работы с Анатолием Собчаком. Что же в итоге? Работник КГБ - это всегда стопроцентный государственный, отвечающий за государственную безопасность и государственную тайну. Все силовики, по сути, были государственниками. Армия, милиция, прокуратура, КГБ. Заметим, что, как правило, только этих работников могли судить за измену Родине. От этого никуда не уйти. Это факт. И когда сегодня зачастило говорить, что у нас все развалилось - и армия, и милиция, и суды, и прокуратура, - это значит треснул осто́в государственности. Для такой страны, как Россия, это равносильно катастрофе.

Таким образом, два этих начала - одно, идущее от идеи государственности, а другое от идеи демократии и рыночных свобод - будут находиться, как мне кажется, у Владимира Владимировича в некоем противоборстве в поисках устойчивости, равновесия.

- Но разве мыслима Россия без приоритета государственности, как это всегда было в ее истории?

- Отвечая - немыслима. Мы должны понять, что такая громадная территория не может держаться, так сказать, на паху. Все это способно удержаться лишь на мощной вертикальной власти, сильной собирательной, объединяющей идее. Чтобы удержать Россию в ее нынешних пределах, нам нужны крепкие обручи. Не стоит забывать, что, скажем, из Токио до Владивостока менее полутора часов лету. Из соседнего Китая и того ближе - перешагнул границу, и все. А из Москвы - 11 часов на самолете или 5 суток в поезде! В связи с

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

«Конкуренция, соперничество двух главных городов очень полезны для страны в целом...»

этим вспоминается знаменитая формула премьер-министра дооктябрьской России господина Витте: «Чем дальше, тем дешевле». Витте избрал тарифы.

- То есть?

- Это была замечательная, великодушная придумка. Витте был тогда министром путей сообщения и прекрасно понимал, что освоить Дальний Восток можно лишь в том случае, если за железнодорожные перевозки не брать втридорога, а, напротив, сделать их дешевыми, доступными для всех. Ведь в принципе возить все необходимое гораздо дешевле из Китая. Но в таком случае мы потянули бы свой Дальний Восток. Это я к тому, что обручи, скрепляющие Россию, могут быть самого разного свойства - от чистой политики до чистой экономики.

каждая из групп на свою сторону. Высокое лицо слушало их перепалку, а затем задумчиво заключило: «А нужны ли нам вообще писатели?» Это не анекдот, это реальность управленческих коллизий сегодняшнего дня. Как тут не вспомнить вещи слова Герцена: «В России сложность отношений заключается в том, что в отношениях между интеллигентом и мерзавцем мерзавец отсылается к интеллигенту как к мерзавцу, а интеллигент к мерзавцу как к интеллигенту». В этом - все наши проблемы, все наши конфликты. Отсюда вывод: главное - работать и работать, проявляя свое творческое «я». Создание продукции интеллект.

А мы все не унимаемся. Разорвать, разделить. Для России с ее пространством государствообразующие системы не химера, а реальность.

Возвращаясь же к теме какого-то возможного «противостояния» двух наших столиц, смею предположить, что этого не случится.

- Но вот иногда говорят, пусть, дескать, Москва останется деловым центром страны, а культурным центром станет Петербург.

- Не согласен. Никогда Москва не откажется от своего статуса концентрирующего начала в политике, экономике, интеллекте, бизнесе. Это было бы просто нелепо! Ни двух, ни трех столиц в едином государстве быть не может. Да, разумно было бы часть столичных функций перенести в Санкт-Петербург. И никакой трагедии при этом бы, конечно, не случилось. Но это, безусловно, усложнит управление страной. И потом, столица не должна располагаться в такой близости от государственной границы. Это очень серьезный вопрос. Но боре-ние, амбиции этих двух городов никогда не исчезнут. И слава богу, амбиции - это энергетика развития. Ну подумайте сами: сегодня идут разговоры о «питерской команде», а завтра, к примеру, появится какая-нибудь «нижегородская команда»... Думаю, немцы вовсе не шутил, когда заявлял о том, что третьей столицей России должен стать Нижний Новгород. Мы до сих пор так и не излечились от «болезни суверенитетов». Парад суверенитетов продолжается. И свойствен он, как известно, не только республикам и городам, но и каждому из нас в отдельности. Кого ни тронь, он сам себе король!

- У интеллигента, русского интеллигента, дружина несогласия всегда внутри. Как вы оцениваете нынешнее состояние интеллигенции?

- Как удручающее. Процесс быдлизации общества раздавил интеллигенцию. Один знаковый эпизод: московские писатели, которые между собой вечно конфликтуют, пришли в Кремль, дабы склонить высокое лицо из администрации

Беседу вел Владислав ЧЕБОТАРЕВ